

В пространстве, залитом серебристо-белым светом, стояло высокое, причудливое кресло со сложной резьбой. В нем неподвижно восседал старик с неразличимым лицом, чей взгляд был прикован к экрану с надписью «Байки у озера».

— Результаты проверки получены, это не баг, — отчитывался наладчик, отирая пот со лба. — Странник — персонаж, чьи права доступа были расширены Первым. Вы же знаете, что видео, где фигурируют особые боссы, находятся под его личной юрисдикцией. У меня нет полномочий менять настройки обратно.

Вспыхнуло ослепительное пламя, и наладчик в ужасе рухнул на колени, даже не смея молить о пощаде.

— Этот безумец, — голос старика, доносясь словно издалека, эхом прокатился по бескрайнему пространству. — С тобой ведь связывался какой-то актерский профсоюз?

Наладчика бросило в холодный пот, он задрожал:

— Да... это один из профсоюзов, специализирующихся на прохождении подземелий высокой сложности. Они хотели подкупить меня огненными искрами, чтобы я включил их в список кандидатов на замену в «Байки у озера». Как только те четверо студентов погибнут, система автоматически заполнит вакантные места ими.

Он клялся и божился, чуть ли не призывая небеса в свидетели:

— Но, господин судья, я правда не согласился! Я отказал им!

— Хм... — старик холодно усмехнулся. — Ступай и скажи им, что ты согласен.

— А? — наладчик не ожидал такого поворота.

Старик лишь загадочно улыбнулся и взмахом руки отослал подчиненного прочь, после чего открыл список актерских профсоюзов.

Он прекрасно знал, какой именно союз пытался подкупить его человека. Раз Первый курирует только те видео, где есть особые боссы, значит, нужно просто сделать так, чтобы босс исчез.

На экране Лю Цзинъюнь уже припарковала машину на обочине у школы Чуньцюань. Ночной городок казался совершенно вымершим: в окнах домов не горело ни огонька, а из окутанной густым мраком темноты время от времени доносилось жуткое уханье совы.

Девушку охватил страх, и она заставила себя сосредоточиться на управлении инвалидным креслом, пока они не добрались до главных ворот школы.

В городке царил идеальный порядок, поэтому на ночь школу не охраняли. Следуя указаниям Чжо Юя, Лю Цзинъюнь перелезла через железную ограду, пробралась на спортивную площадку и отворила центральный вход изнутри.

Так, словно в собственном доме, они прокрались в школу.

Чжо Юй чувствовал, что что-то не так, но сейчас важнее было добраться до архива и собрать информацию.

Толкнув тяжелые двери учебного корпуса, они оказались в холле первого этажа. Стены были увешаны фотографиями улыбающихся, полных жизни подростков, хотя сама отделка выглядела ветхой и во многих местах подвергалась ремонту.

Чжо Юй чувствовал это место пугающе знакомым. Он знал: его персонаж уже бывал здесь раньше.

Доверившись интуиции своего героя, они быстро отыскивали архив на третьем этаже.

Дверь оказалась заперта. Чжо Юй попросил у Лю Цзинъюнь заколку, выпрямил её и вставил в замочную скважину. В восьмидесятых годах камеры наблюдения ещё не вошли в обиход, да и замки не отличались особой сложностью: стоило лишь нащупать нужный паз и с усилием нажать вверх, как замок поддался.

Чжо Юй был благодарен самому себе за то, что в поисках вдохновения пересмотрел кучу материалов о преступлениях.

Щелчок — дверь открылась.

Лю Цзинъюнь снова широко раскрыла глаза, глядя на Чжо Юя с нескрываемым изумлением.

— Входим, время не ждет.

Чжо Юй распахнул дверь. В помещении площадью около семидесяти квадратных метров рядами стояли шкафы с личными делами учителей и учеников. Дверцы были стеклянными, и при слабом лунном свете они начали просматривать даты на папках.

На 1938 году Чжо Юй остановился.

Он вспомнил дату производства своего инвалидного кресла. Вряд ли кто-то стал бы покупать залежалый товар, а значит, именно в 1938 году он получил травму, приковавшую его к креслу.

Он снова воспользовался заколкой, чтобы вскрыть шкаф, и велел Лю Цзинъюнь вытащить все папки. К счастью, городок был маленьким, и в тот год здесь училось всего около двухсот человек.

Чжо Юй выудил личные дела. На тонких листах бумаги были наклеены фотографии, записаны имена, рост и прочие подробности, включая адреса и данные о семьях. Он передал Лю Цзинъюнь папку за 1938 год, а сам принялся перебирать документы восьмидесятых.

Он искал информацию о тех четверых ветеранах.

Прошло десять с лишним минут. Чжо Юй дошел до 1988 года и, как и ожидал, увидел четыре знакомых лица.

— Джек Бирс.

— Нина Рокфеллер.

— Бонни Бирс.

— Бак Йек.

Чжо Юй тихо произнес имена — те самые, под которыми скрывались Чжоу У и остальные.

Видеть на карточках лица азиатов, к которым были приписаны американские имена и возраст восемнадцать лет, было довольно забавно.

— О боже!

Лю Цзинъюнь вдруг вскрикнула от испуга. Она выронила лист из рук, словно увидев нечто ужасающее.

Бумага спланировала на пол рядом с Чжо Юем, и он поднял её.

Неудивительно, что Лю Цзинъюнь так отреагировала. Фотография на этом деле была...

Левая половина лица мальчика выглядела мужественной и привлекательной, а глубокие голубые глаза придавали ему особое очарование. Но во взгляде читалось отторжение — казалось, он всеми силами не хотел смотреть в объектив. Потому что другая половина его лица была обезображена.

Кожа выглядела так, будто её расплавили, а затем заставили застыть в уродливых складках. Веко отсутствовало, обнажая огромный голубой глаз, а губы на этой стороне были растянуты в неестественной гримасе, обнажая десну.

Эта половина лица была звериной, дьявольской, словно порождение ночного кошмара. И в то же время безупречная, идеальная левая сторона выглядела настолько великолепно, что могла бы покорить Голливуд.

<http://bllate.org/book/18901/1847756>